

К хорошему человек привыкает быстро. Якутские театралы давно привыкли к тому, что на сцене Саха театра регулярно происходят открытия. Что ни сезон – то открытие.

Нынешний, юбилейный, был знаковым: тут и проведенный в Улан-Удэ по инициативе Андрея Борисова I Международный кочевой театральный фестиваль "Желанный берег", и грандиозная премьера спектакля "По велению Чингисхана", совмещенная со съемками одноименного фильма, и гастроль по братским республикам. По возвращении – первый совместный проект с оркестром Национального театра танца: живые голоса и живая музыка в олонхо "Туйаарыма Куо".

Казалось, удивляться уже и нечему – не тут-то было: почти под занавес сезона – новое открытие. Выпускница АГИКИИ Елена Иванова (курс Андрея Борисова) показала свой дипломный спектакль "Ступеньки, ведущие в небо" по роману Кобо Абэ "Женщина в песках". После премьеры Андрей Саввич сказал про нее: "Первая якутская девушка, ставшая профессиональным режиссером". Такое признание из уст Мастера дорогого стоит. Между тем в ее постановке главные роли сыграли актеры, в активе которых доселе не было главных ролей. Дмитрий Шадрин блистал лишь в эпизодах, а Маргарита Борисова из года в год воплощала на сцене образы милых, нежных героинь, которые проходили, "не поднимая глаз", по "краешку судьбы" – чужой судьбы. Режиссер Елена Иванова сумела раскрыть их с совершенно другой стороны. Таким образом, в день премьеры спектакля у нас на глазах произошло даже не одно, а целых три открытия. Ученица оказалась достойна своего учителя.

СЕМЕН АМАНАТОВ.

"СТУПЕНЬКИ,

ВЕДУЩИЕ В НЕБО"

• Кюннэй ЕРЕМЕЕВА

Яма

Тема спектакля – вечная тема: поиск самого себя, своего места в жизни. На сцене – двое: Мужчина и Женщина.

Сценография Лены Гоголевой проста и изысканна, как японские миниатюры: помост, на котором установлен легкий каркас "домика" с раздвижными стенами, по краям – два столба, как два одиночества.

уверенный в том, что она не может понять его по определению, а потому разговаривает, как с глухой и слабоумной одновременно, старательно, четко и громко выговаривая слова. В его голосе и лице – напряжение, отчаяние, грозящее прорваться истерикой. Когда он доходит "до точки кипения" (что случается очень часто), она пытается разрядить обстановку, но сказанное ею всегда как бы невпопад, ведь мысли его далеко. Из-за этого возникает масса комических ситуаций, которые в немалой степени

Другая любовь

...В крошечной тьме раздаются нечленораздельные звуки, стоны, вздохи, хрипы. Различим лишь его шепот: "Тихо, тихо, не кричи... Так хорошо? Теперь ноги... Ну, вот и

Но внезапно музыка обрывается, и наваждение исчезает. Он по-прежнему на дне ямы, а рядом – эта деревенская "землеройка". Белеет в сумраке ее обсыпанное мукой лицо. Что ж, выбирать не из чего, а раз так, то и ты-сгодишь-

тихую гавань. На столбы, стоящие по обе стороны от помоста, на котором происходили все описанные события, опускается поперечная перекладина, – точно потерянный когда-то и вновь обретенный кров. Две белые ленточки на ветвях тре-

Герои в момент своей встречи одиноки: вооруженный сачком энтомолог, рыщущий по пескам в поисках нового вида мухи, и женщина из глухой деревушки, которую вот-вот поглотят наступающие со всех сторон пески. Вдвоем они вынуждены сосуществовать на дне ямы, из которой нет выхода.

Впрочем, имеется и третий "узел" – деревце, так цепко держащееся своими корнями за бедную песчаную почву, породившую его, что даже самые яростные ветра, как бы они ни бесновались, не могут причинить ему существенного вреда. После каждой свирепой бури оно упрямо выпрямляется и вновь тянется к небу, к солнцу, к жизни. Так же, как эта женщина в песках. Две белые ленточки трепещут в ветвях, словно души ее мужа и ребенка, погребенных заживо во время прошлогодней бури, но она не ропщет, не проклинает судьбу, а просто живет, дено и ночью отгребая песчаные наносы для спасения своей деревни.

Но у цивилизованного горожанина в голове только одна мысль: как бы поскорей выбраться из этой ямы, куда его затолкали против воли и заставили махать лопатой наравне со странной "соседкой", которая в упор не видит окружающего ее убожества – работает, как заведенная, при этом еще и песни иногда под настроение поет, а самое идиотское – каждодневно наводит красоту, за неимением пудры обсыпая лицо мукой!

Мужчина и женщина

Их общение поначалу сводится к тому, что занятая работой и хозяйственными хлопотами женщина молча выслушивает пространные монологи молодого "гостя", который обращается к ней, заранее

угаив, которые в незначительной степени способствуют тому, что зритель проникается к героям искренней симпатией и начинает видеть в них живых людей, а не сценических персонажей.

Вот он в очередной раз сотрясает воздух гневной тирадой: "Я не безродный бродяга! У меня дом, работа! Я, в конце концов, налоги плачу! Скоро меня хватятся..." – и вдруг слышит кроткое: "Я приготавливаю обед?" От неожиданности у него отваливается челюсть, а она, во всем готовая услужить, смотрит на него снизу вверх, лучась светлой улыбкой.

А вот она протягивает ему ковш с водой. Он рассеянно берет его в руки, делает глоток... и тут до слуха долетает: "Это для мытья!" От его яростного фыркания брызги летят во все стороны.

В то же время в этом спектакле смешное соседствует с серьезным, – как в жизни. Лирические моменты настолько пронзительны, что зрители в эти минуты смотрят на сцену, затаив дыхание.

Вот он спит, облитый лунным светом. Сон его тревожен. Рука, лежащая на груди, беспокойно дергается. Она тихонько, чтобы не разбудить, вылезает из своей лачуги, как мышка из норки, и осторожно подобравшись к нему с огарком свечи, завороченно смотрит на спящего, не в силах отвести взгляда от его молодого, сильного тела. Маленькая ладонь, огрубевшая от тяжелой работы, робко тянется к распростертому на земле Аполлону – к тому месту, которое у Аполлонов скрыто фиговым листом, а у энтомолога – плавками. Тянется и замирает на полпути, а он, словно почувствовав что-то сквозь сон, поворачивается к ней лицом, она не успевает увернуться, и вот уже его колено покоится на ее бедре. Подвечерночные испуганные и потресканные глаза глядят в ночь из-за крепкого мужского плеча...

все! Вспыхивает свет, и взорам зрителей, ожидавших увидеть нечто другое, предстает связанная женщина с кляпом во рту. А над ее плечом – несчастные мальчишеские глаза.

Однако надежды напрасны: шантаж не сработал, зато возникла реальная угроза умереть от жажды, – вода положена лишь тем, кто борется с песками, а не со своими страстями. В отчаянии он кричит ей в лицо: "Да что ты все время молчишь!" А как отвечать, если кляп во рту?

В конце концов, он сдаётся. Развязывает ее, безропотно начинает работать, однако не оставляет попыток освободиться, исподволь выспрашивая у нее, удавалось ли кому-нибудь бежать из этого гиблого места, что нужно сделать, чтобы сверху, наконец, бросили веревку, а она... Она задает ему вопрос, от которого он застывает на месте: "Городские женщины – все красивые?"

Городские женщины... И тут же из мрака перед его мысленным взором (и притихшим зрительным залом) возникает одна из них (студентка АГИКиИ Мария Захарова) – гибкая грациозная пантера в вызывающе-алом платье. С бесстыдной чувственностью она льнет к нему, как растение-паразит в джунглях оплетает ствол дерева, чтобы питаться его соками. Убийственно-прекрасное создание. Прекрасное именно своей порочностью... Их танец – это немой диалог, безмолвный разговор мужчины, который не потерял еще надежды встретить в жизненной круговерти свою единственную, и женщины, для которой он – не первый и не последний: "Любишь меня?" – тревожно вопрошают его глаза. "Люблю..." – отвечает ее томно запрокинутое лицо. А любит она на самом деле только шестелст купюр – желательно, крупного достоинства, ведь жизнь в городе такая дорогая!

ся... С перекошенным от ярости лицом он мрачно надвигается на нее. Думаешь, ваша взяла? Я для вас вроде собаки на привязи? Хорошо же. Сейчас ты узнаешь, кто в этой яме хозяин...

Гора или яма?

Но над ним, в свою очередь, тоже есть хозяин – старик, приведший его сюда.

Старец принято изображать степенными, мудрыми, – словом, "ум, честь и совесть", вместе взятые. Герой Михаила Семенова не таков. Хитростью заманив "сачкующего" энтомолога в яму, он не намерен его выпускать. Пленник грозит судом и расправой? Старик лишь усмеивается в свою бородачку. Крепко сбитый, коренастый, он твердо стоит на этой земле, верит только в свои силы и никто ему не указ. Этот человек и не может быть другим: день за днем, месяц за месяцем, год за годом предоставленные самим себе жители заносимой песками деревни упорно борются с неумолимой стихией, которую никакие законы, выдуманные людьми, остановить не в силах. А раз так, то плевать на эти законы...

Другой старик (Ефим Степанов) – полная его противоположность. Впрочем, он и не старик вовсе, а Человек-ребенок, обладающий одновременно и мудростью взрослого, и детской прямотой, чистотой, непосредственностью. В уста Человека-ребенка режиссер и одновременно автор инсценировки вложила одну из ключевых фраз: "Стоишь ли ты на вершине самой высокой горы, лежишь ли на дне самой глубокой ямы – это не суть важно. Смысл существования заключается не в том, как мы живем, а ради чего мы живем. ЯМА, ИЗ КОТОРОЙ ТЫ ТАК МЕЧТАЕШЬ ВЫБРАТЬСЯ... ОНА В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ".

Герой, всю жизнь стремившийся убежать от самого себя, наконец-то обретает почву под ногами. Потрепанный бурями корабль входит в

пещу уже по-другому. Теперь это символ надежды, символ возрождения. Две ленточки – Он и Она. Две ленточки – их будущие дети. Мальчик и девочка, в которых, быть может, возвратятся на землю возродившиеся души ее близких...

Новое имя

В своей дипломной работе выпускница АГИКиИ в полной мере продемонстрировала режиссерскую зрелость – качество, которое обычно нарабатывается годами. У Елены Ивановой уже есть свой стиль, свой "голос", который не спутаешь с другими.

Свой спектакль она называет "атмосферным", и называет с полным основанием. Наэлектризованная чувствами атмосфера передается залу точно так же, как ток бежит по цепи, а удивительно мастерское использование технических возможностей сцены, с филигранной точностью подобранные свет, звук и музыка многократно усиливают впечатление от замечательной актерской игры.

Звуковое сопровождение – на высшем уровне. Яростный бой барабанов – точно бешеное биение сердца попавшего в западню героя. Протяжная песня – предчувствие еще не зародившейся любви. А в завывании ветра и шорохе песка слышится бег времени. Вечность...

Свет, его вспышки, его тона и полутона отделяют явь от сна, мечту – от реальности, передают тончайшие нюансы настроения героев. Отдельного упоминания достоин "театр теней". Впрочем, кавычки тут, пожалуй, неуместны: на полотнище, изображающее песчаную дюну, проецируется силуэт стоящей за ним женщины. Очертания хрупкой фигурки и тяжелой лопаты слиты воедино. Движения – словно странный танец, туда-сюда, туда-сюда. Женщина в песках. Женщина среди песков. Нескончаемых, как сама жизнь...

Якутия. – 2006. – 19 мая